

Глава 20: Я здесь

Кругом царила непроглядная тьма. Вязкая, словно смола, она, казалось, заполнила собой все пространство, лишая воздух кислорода.

Тревога нахлынула, подобно лавине. Сердце Доу Иня заколотилось в панике, он метнулся в сторону и, кажется, ударился обо что-то твердое — затылок пронзила тупая боль.

К счастью, в доме Цзян Сяньи все острые углы были предусмотрительно оклеены мягкими накладками, что уберегло его от более серьезной травмы.

Дыхание Доу Иня стало прерывистым, сердце готово было вырваться из груди, грозя остановиться в следующую секунду, если он так и останется в этой душающей темноте.

«Кто-нибудь...»

«Мама... В море бушует шторм...»

«Так темно, мама...»

Воспоминания ревели и бились о него, как штормовые волны, заставляя дрожать всем телом. Мягкий ворсистый ковер под ногами, казалось, превратился в цепкие водоросли на дне морском, опутывая его и утягивая в непроглядную толщу мрака.

— Доу Инь!

В следующую секунду сильная рука заключила его в объятия.

Телефона Цзян Сяньи под рукой не оказалось, так что включить фонарик он не мог.

Он звал Доу Иня, но тот не откликался.

Доу Инь не солгал — его никтофобия была реальной, и, судя по всему, куда более серьезной, чем он предполагал. Полагаясь лишь на память о расположении комнат, Цзян Сяньи двинулся на поиски.

Спотыкаясь в темноте и роняя что-то на пол, он, не обращая внимания на шум, шарил руками в пространстве, пока наконец не нащупал письменный стол.

Доу Инь должен был быть здесь, но его не оказалось на месте. Цзян Сяньи крайне редко позволял себе ругаться, но сейчас мысленно выругался и снова позвал его по имени.

Тут же он услышал неподалеку сбитое, учащенное дыхание.

Не раздумывая ни мгновения, Цзян Сяньи обнял его. Доу Инь прижался к нему, дрожа всем телом. Несмотря на душный летний вечер, его пальцы были ледяными.

Цзян Сяньи нахмурился. Одной рукой он удерживал Доу Иня, охваченного приступом паники, а другой нащупал штору и с силой дернул ее в сторону.

В комнату хлынул лунный свет.

Мягкое, приглушенное сияние залило гостиную. Цзян Сяньи мысленно поблагодарил судьбу за панорамные окна в их доме — только что здесь было темно хоть глаз выколи, а теперь можно

было разглядеть последствия паники у книжных полок.

Подставка для кистей и пресс-папье были сметены на пол вместе с несколькими мягкими игрушками, выигранными в автомате еще в детстве. Рядом темнела лужа воды и поблескивали осколки стекла — при уборке придется быть осторожнее.

Дрожь в его объятиях постепенно утихла, и Цзян Сяньи с облегчением медленно разжал руки.

— Доу Инь, ты как?

В тусклом свете луны его лицо казалось мертвенно-бледным. Несколько прядей черных волос прилипли ко лбу от холодного пота, придавая ему растрепанный и жалкий вид.

Он дышал тяжело, грудь его вздымалась — ничего общего с его обычным спокойствием.

Он был по-настоящему напуган.

«Еще не пришел в себя, нельзя его сейчас поднимать».

Цзян Сяньи глубоко вздохнул. У него не было опыта в подобных ситуациях, и он действовал инстинктивно: осторожно положил руку на спину Доу Иня и принялся мерно похлопывать, словно успокаивая ребенка, как когда-то в детстве его успокаивала мама.

— Не бойся, не бойся. Это просто отключили свет. Я здесь.

Доу Инь, казалось, только сейчас услышал его. Он медленно склонил голову ему на плечо. Длинные, прохладные и шелковистые волосы водопадом рассыпались по груди Цзян Сяньи. Руки Доу Иня, до этого судорожно сжимавшие его бедра, расслабились и вцепились в его предплечье.

Хватка была крепкой. Цзян Сяньи снова нахмурился — еще немного, и останутся следы.

— Все хорошо, не бойся. Отпусти. Я принесу свечи и фонарик, скоро свет дадут.

Пальцы, сжимавшие его руку, медленно разжались. Услышав, что дыхание Доу Иня выровнялось, Цзян Сяньи вздохнул с облегчением.

Он поднялся, собираясь найти телефон, а затем свечи и фонарик, или принести ночник со второго этажа.

Но стоило ему сделать шаг, как Доу Инь снова вцепился в штанину.

— ...Брат.

Голос его был хриплым. Лицо Цзян Сяньи, наполовину скрытое в тени, казалось таким же холодным, как и днем.

Но голос прозвучал на удивление мягко:

— Здесь светло, подожди немного. Я сейчас вернусь, принесу лампу.

Цзян Сяньи помедлил и добавил:

— Умница.

Это слово подействовало как заклинание — Доу Инь отпустил его.

Цзян Сяньи быстро нашел телефон. Отказавшись от идеи идти на второй этаж, он включил фонарик и бросил мобильный Доу Иню.

— Подожди меня, я быстро, за лампой наверх.

С этими словами он скрылся в темноте лестницы.

Доу Инь был гостем, а он знал этот дом как свои пять пальцев. Даже если он споткнется пару раз, ночник он точно найдет.

И действительно, через несколько минут он нащупал ушки кролика на ночнике, нажал на кнопку, и комната озарилась мягким, теплым светом.

Цзян Сяньи быстро спустился вниз. Увидев, что Доу Инь послушно сидит на том же месте, держа в руках телефон, он наконец успокоился.

Кончик носа и уголки глаз Доу Иня покраснели — казалось, он едва сдержал слезы. Он сидел неподвижно, с отсутствующим выражением лица, и, когда Цзян Сяньи подошел, неотрывно уставился на него.

Странное чувство.

Юй Чэн не раз описывал Доу Иня одним и тем же словом, но до этого момента Цзян Сяньи не придавал ему значения.

Но почему-то именно сейчас, когда Доу Инь был так беззащитен, так жалок, Цзян Сяньи вдруг понял, почему его называют «милашка».

Он подошел и вложил в руки Доу Иня теплый, оранжевый свет «кроличьей луны».

— Скоро дадут свет.

Доу Инь, казалось, уже оправился от приступа. Он тут же потянулся к руке Цзян Сяньи — там, где он сжимал ее, действительно остался след.

Он понурился и удрученно оперся подбородком о ночник.

— Прости.

Цзян Сяньи ничего не ответил, не стал и произносить дежурное «все в порядке».

В его руке зазвонил телефон. Это был Юй Чэн — спрашивал, все ли у них в порядке, не отключили ли и у них свет.

Отключения здесь случались и раньше. Цзян Сяньи успокоил его, сказав, что в доме есть и ночники, и свечи, и фонарики.

— Я только что посмотрел чат жильцов, родители пишут. Говорят, перегрузка сети, локальная авария. Скоро должны все исправить.

— Хорошо. Ты сегодня еще приедешь?

Юй Чэн немного помолчал.

— Наверное, сегодня уже нет. У меня кот перепугался, у него стресс. Побуду сегодня с ним.

Цзян Сяньи хмыкнул, сказал еще пару слов и повесил трубку.

В современных жилых комплексах такое случалось редко.

Но он жил здесь с самого детства. Родители были сентиментальны, привыкли к этому месту. Двор из простого газона с каменными плитками превратился в цветущий круглый сад, глициния оплела всю стену, а качели, увитые розами, сделал еще дедушка.

Каждый уголок хранил воспоминания.

Поэтому здешние коммуникации уступали их другим, более современным домам, и к таким происшествиям все давно привыкли.

Цзян Сяньи снова взглянул на Доу Иня.

В руках — лампа, за спиной — лунный свет, рядом — он.

Время шло, и ему становилось заметно лучше. Внешне он уже почти не отличался от обычного себя, только брови все еще были сведены, словно он о чем-то напряженно думал.

Цзян Сяньи собирался было поиграть в телефоне, пока не включат свет, но, видя подавленное состояние младшекурсника, отложил эту мысль.

Вспомнив звонок Юй Чэна, он едва заметно усмехнулся.

Будь здесь Юй Чэн, он бы, наверное, в момент отключения света заорал, потом впал бы в отчаяние из-за несохраненной игры и, катаясь по полу, еще и пнул бы пару раз слабого и беззащитного Доу Иня.

Не то что этот — сидит тихо, ждет, как ему сказали, не произнося ни слова.

Цзян Сяньи и сам не заметил, как начал сравнивать их, просто переваривая и корректируя свое представление о Доу Ине.

Раньше он сомневался, но теперь, глядя на него, понимал: для такого, как он, годами тайно любить кого-то и не решаться признаться — вполне естественно.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь их дыханием.

Темные волосы Доу Иня рассыпались по плечам. Цзян Сяньи протянул руку и взял тонкую прядь — прохладную и шелковистую на ощупь.

Доу Инь склонил голову, глядя на него влажными глазами, в которых читался немой вопрос.

Цзян Сяньи легонько потер прядь большим пальцем. Нервных окончаний там не было, но Доу Иню показалось, будто по телу, от самых кончиков волос, пробежали мурашки, вызывая сладкую дрожь.

Он бессознательно сжал в руках ночник, чувствуя, как сердце снова учащенно забилось.

Ночь сгущалась, подступая со всех сторон. Они сидели в этом уголке, прижавшись друг к другу, освещенные лишь одним пучком света. И все же он чувствовал себя в полной безопасности, словно они оказались на краю света, в последней неприступной крепости на исходе времен.

Он думал, что напугает Цзян Сянъи, что тот сочтет его обузой.

Но вместо этого Цзян Сянъи обнял его, позволил уткнуться в изгиб своей шеи, и он вдыхал его приятный, терпкий одеколон.

Все было как во сне.

Доу Инь незаметно поднес пальцы к лицу, вдыхая знакомый аромат.

Чувства переполняли его, готовые выплеснуться наружу при малейшей неосторожности.

В голове медленно обретала форму одна мысль.

Цзян Сянъи непременно спасет его.

Снова и снова.

Цзян Сянъи уже отпустил его волосы. Он не стал расспрашивать ни о никтофобии, ни о том, почему он носит длинные волосы.

Он чувствовал границы.

Возможно, ему и было любопытно, но в этом и заключался весь Цзян Сянъи.

Он будет ждать, пока ему расскажут сами, а не станет допытываться в такой момент.

Сладость и гордость, переплавленные лунным светом, надежно укрылись в сердце Доу Иня. Все эти годы он жил, смакуя крохи сладких воспоминаний, которых хватало до сих пор.

Но сегодня судьба преподнесла ему куда более щедрый дар, позволив не возвращаться мыслями к прошлому.

Цзян Сянъи, казалось, намеренно давал ему время прийти в себя, молча сидя рядом.

На лице его застыло привычное безразличие, и та мягкость в голосе, прозвучавшая во время приступа, казалась теперь лишь иллюзией.

В теплом оранжевом свете ночника Доу Инь рассматривал его лицо.

Черты, словно изваянные скульптором, были резкими и четкими. Узкие, «веерные» веки, расширяющиеся к уголкам глаз, прямые брови, тонкие губы.

Он казался отстраненным, непроницаемым, и только Доу Инь теперь знал, что его объятия — мягкие и теплые, как осеннее солнце, способные растопить самый толстый лед и коснуться самых глубин души.

Даже в самую холодную, самую темную ночь он мог дарить тепло и чувство защищенности.

Люстра над головой внезапно вспыхнула ярким светом. Доу Инь ожидал, что привыкшим к

темноте глазам будет больно, но Цзян Сяньи тут же заслони́л ему свет.

Он открыл глаза, привыкая к вернувшемуся освещению. Цзян Сяньи убрал книгу, которой прикрывал его, и одарил его ослепительной улыбкой.

— Свет дали.

Он улыбался нечасто, а уж такой яркой, открытой улыбкой Доу Инь и вовсе не помнил.

Он подумал, что выражение его собственного лица сейчас, должно быть, выглядит не лучшим образом.

Немного безумное, немного одержимое, совершенно не похожее на его обычное состояние. Ему до боли захотелось прижать Цзян Сяньи к книжному шкафу, провести пальцами по его тонким, все еще изогнутым в улыбке губам и требовать, требовать безрассудно.

Но... сейчас он еще не мог себе этого позволить.

Руки его сжали ночник с такой силой, что, казалось, готовы были его раздавить.

<http://bllate.org/book/13679/1212064>